

школ, что в одних селениях (Балх, Серкана, Саргалу) школы имеются, а в других (Топзава и Ракава) школ нет (стр. 113). Конечно, школу не посещают девочки не только из-за занятости по дому, не только согласно мусульманским законам, но и из-за резких социально-экономических различий в жизни населения. Автор обходит молчанием существенный вопрос о языке, на котором ведется преподавание в школах Иракского Курдистана. Ведь не секрет, что курдские дети не имеют возможности не только учиться на родном языке, но и изучать его в качестве дисциплины.

Работа не совсем выдержана в структурном отношении. Многие темы, затронутые автором, не сконцентрированы, разбросаны по нескольким разделам; например, сведения об элементах женской одежды, о жилище и о внутреннем убранстве, о положении женщины и пр. Много повторений. В связи со всем этим, исследуемый материал не всегда воспринимается легко. Так, неплохой раздел об освещении жилища перебивают не к месту приведенным автором детали о проникновении элементов городской культуры: «в глинобитном доме курдской сельской аристократии имеются европейские предметы: зеркала, батарейные радиоприемники с бархатными чехлами, ручные часы, солнечные очки, зубные щетки, ... граммофон» (стр. 37—38).

Вызывает возражения и глава об одежде. Вряд ли в специальной монографии, посвященной курдской женщине, требуется подробное описание мужской одежды, кинжалов, анализ не курдских элементов одежды, присущих в настоящее время национальному костюму курдов и т. п. (см. стр. 87—96). Вообще содержание книги значительно шире ее названия, охватывая разные стороны жизни всего курдского населения. Но тогда надо отметить, что в работе не получили достаточного освещения некоторые существенные этнографические детали: курдская детская одежда, вероучение секты пагда, кустарные промыслы и т. д. Остается неясным, почему ремесла в настоящее время распространены только среди сельского населения Иракского Курдистана? Существуют ли типы национальных курдских ковров, паласов, кошм? Имеют ли они спрос на арабских рынках, а также за пределами Ирака? О производстве курдами керамических изделий с поливой сказано только вскользь.

В целом же этнографическое исследование «Жизнь курдской женщины» в значительной мере заполняет существующий в этнографической науке пробел о современной жизни и быте курдов Ирака. Являясь вкладом в курдоведение, рассматриваемая монография открывает новые возможности научного этнографического исследования зарубежных курдов.

Т. Аристова

Japanese culture. Its development and characteristics. Edited by R. L. Smith and R. K. Beardsley. Chicago, 1962, X+193 стр.

Книга «Японская культура» представляет собой сборник, составленный из докладов на японскую тематику, зачитанных на разных секциях Десятого тихоокеанского конгресса 1961 года в Гонолулу. Титульные редакторы книги ограничили свою роль подбором и группировкой докладов, а также написанием краткого предисловия.

Первый раздел сборника «Генезис» — наиболее краток: в нем всего 21 страница из 185 страниц основного текста книги. Он посвящен разным аспектам этногенеза японцев и таким образом никак не связан с остальными разделами сборника, которые все так или иначе трактуют проблемы современности или по крайней мере близкие к ней. Однако можно сказать, что по своей теоретической значимости этот раздел равноценен всей остальной части книги и соответствует первой из двух частей ее подзаголовка, поскольку в нем крайне сжато суммированы основные достижения и наиболее распространенные взгляды, выработанные современной японской наукой по этому кардинальному вопросу изучения этнографии своего народа.

Раздел открывается статьей Исида Эйитиро, ведущего японского этнографа, озаглавленной «Сущность проблем происхождения японской культуры» (стр. 3—6). Статья эта в значительной степени излагает концепции последующих статей, принадлежавших Явата, Эгами и Оно, а в какой-то мере и полемизирует с ними. Исида прежде всего верно определяет понятие народа, в частности японского, как культурной, а не биологической (расовой) общности, причем язык, по его мнению, является ее первейшей и основной характеристикой. На основании этой концепции в решении вопроса о том, каким временем можно датировать начало существования японского этноса как такового, Исида отмечает противоречие между взглядами Эгами и Оно. Эгами Намио в статье «Происхождение японской культуры в свете археологии и мифологии» (стр. 11—16) утверждает, что таким переломным моментом в этнической истории Японских островов был рубеж III—IV веков н. э., когда бронзовые культуры позднего яёй сменились культурой ямато эпохи раннего железа. Происхождение этой последней, по Эгами, связано с проникновением в Японию через Корею из Маньчжурии, какого-то, очевидно, алтаеязычного воинственного пастушеского племени, которое, подчинив себе ранее оби-

тавшие в Японии племена ва, создало раннеяпонское государство Ямато. Действительно, отголоски каких-то завоеваний содержатся в японской мифологии, а предметы, найденные в курганах культуры ямато, во многом напоминают современную им материальную культуру кочевников Центральной Азии.

Однако Оно Сусуму в своей статье «Происхождение и истоки японского языка» (стр. 17—21) убедительно показывает, что формирование японского языка произошло при наложении прапмонского языка алтайского типа на местный аустронезийский субстрат еще в IV веке до н. э., т. е. в самом начале эпохи культуры яей.

Наиболее правдоподобным нам представляется мнение Исида о том, что японский этнос восходит к IV—III векам до н. э., к племенам ва, носителям прапмонского языка и культуры яей, создавшим позднее японскую государственность путем независимого развития, а отмеченные Эгами особенности культуры Ямато объясняются культурными влияниями в результате усилившихся связей с материком, однако, как и последующие китайско-корейские влияния, они лишь наслаивались на сформировавшуюся значительно раньше японскую этническую основу.

Работа Явата Итиро «Данные доистории о происхождении японской культуры» (стр. 7—10) дополняет перечисленные выше статьи кратким очерком более ранних этапов развития культуры населения Японских островов, заканчивающимся описанием развития культуры яей.

Большая часть статей, объединенных во втором разделе сборника («Социальная организация»), бесспорно представляет не только региональный, но и общетеоретический интерес. Исследования японских и американских авторов, включенные в этот раздел, группируются в основном вокруг одной основной темы — анализ японской «додзоку». За последние 10—20 лет о додзоку написано немало работ. Однако большинство из них опубликовано на японском языке и поэтому мало доступно европейскому читателю; это обстоятельство увеличивает объективную ценность рецензируемого сборника, в известной мере обобщающего состояние изучения данной проблемы. Додзоку можно определить как группу семей, связанных общностью происхождения по отцовской линии и носящих общее фамильное имя. Представляя собой определенное хозяйственное, идеологическое и общественное единство, додзоку являет собой типичный пример патронимической организации. Социальные институты, аналогичные додзоку в структурном и функциональном отношении, существовали до сравнительно недавнего времени и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии: «цзунцзу» в Китае, «чонъдок» в Корее, «хо» во Вьетнаме и т. д. Сравнительное изучение этих институтов убедительно свидетельствует о том, что патронимия представляет собой исторически универсальную общественную форму.

Китано Сэйидзи в своей статье «Додзоку и из в Японии: значение семейного генеалогического родства» (стр. 42—46) анализирует состав додзоку с точки зрения соотношения двух категорий, входящих в додзоку семей «хонкэ» (главной, или старшей, семьи) и «бункэ» (младших или побочных семей). Додзоку состоит из большего или меньшего количества соподчиненных между собой «хонкэ» с «хонкэ» на вершине иерархической пирамиды. Группа родственных семей только тогда и постольку может рассматриваться как додзоку, когда и поскольку хонкэ и ее бункэ признают свои взаимные права и обязанности в качестве хонкэ и бункэ. Поэтому не всякая обособившаяся семья представляет собой новую бункэ. При своем выделении бункэ получает часть общего семейного имущества и сохраняет таким образом связь со старшей семьей, которая, в свою очередь, обязывается оказывать ей покровительство и помощь. Новые бункэ принимают семейное имя и семейную эмблему, «мон», своей хонкэ. Бункэ участвует в религиозных церемониях в честь духа-покровителя додзоку; она имеет право на общий храм предков и общее кладбище.

Генеалогические родственные связи внутри додзоку несовместимы с нормами малой семьи. В современной японской семье дети, достигшие совершеннолетия, покидают семью своих родителей, и старший сын не представляет в этом смысле исключения. Он не отождествляет себя с семьей своих родителей и не несет ответственности за передачу семейного имущества последующим поколениям. Таким образом, в современной семье не возникают связи, соединяющие бункэ с их хонкэ. Это обстоятельство позволяет Китано Сэйидзи прийти к выводу, что додзоку в своей классической форме основана на принципах большой семьи — «из» несмотря на то, что как хонкэ, так и бункэ, могут представлять собой малые семьи. Традиционная японская семья из была господствующей формой семейной организации на всем протяжении феодальной эпохи в Японии. Внешним выражением единства из была власть патриарха, наследовавшаяся, как правило, старшим сыном. Младшие сыновья должны были отделяться, сохраняя при этом зависимость от старшей семьи, т. е. образуя бункэ. По мере того как изменялся характер традиционной из, претерпевали изменения и взаимоотношения между хонкэ и бункэ. Несмотря на то, что в настоящее время семьи выделившихся сыновей нередко называются по традиции бункэ, однако фактически они представляют собой самостоятельные малые семьи, утратившие характер из. Меняется характер взаимопомощи между семьями внутри додзоку: они все чаще кооперируются не только между собой, но и с другими, неродственными им семьями вне данной додзоку. Вполне естественно, что

наиболее консервативной остается сфера культа: посторонние семьи не допускаются к участию в традиционных церемониях додзоку.

Иная концепция додзоку излагается в работе Бэфу Харуми «Корпоративный аспект и типы наследования в японской семье» (стр. 34—41). Автор считает необходимым выделить два функциональных аспекта семейной организации. Первый аспект связан с продолжением линии кровного родства, второй — с преемственностью семейного наименования и традиционной семейной профессии. Эти два аспекта могут существовать независимо друг от друга: линия родства может продолжаться даже после того, как фамилия и занятие семьи изменились и, наоборот, преемственность фамилии и занятия может иметь место без посредства наследования сыном. Автор высказывает предположение, что доминирующим аспектом японской семьи является именно ее преемственность как корпоративной группы, а не преемственность линии кровного родства. Доказательство этого тезиса автор ищет в тех отклонениях от традиционного порядка наследования старшим сыном, которые характерны для современной японской семьи. Специальное внимание автора привлекает в этой связи институт «мукоёси». Так называется в Японии приемный сын, будущий наследник главы семьи. После усыновления мукоёси принимает фамилию своего приемного отца и его буддийскую секту, начинает почитать его предков и готовится к принятию семейной профессии. Нередко случается, что за мукоёси выдают дочь главы семьи. Мукоёси может быть родственником своего приемного отца или не быть таковым. Широкое распространение института мукоёси в современной Японии (по данным, собранным различными исследователями, мукоёси наследуют примерно в 1/4 части всех семей) приводит Бэфу Харуми к выводу о том, что для японской семьи характерно отсутствие заботы о продолжении линии кровного родства, что, в частности, отличает японскую семью от китайской. На этом основании автор полагает, что для японской додзоку характерно корпоративное объединение как родственных, так и неродственных семей. Концепция Бэфу Харуми не может не вызвать довольно существенных возражений. С нашей точки зрения, анализ двух аспектов додзоку, выделяемых автором, страдает тем недостатком, что семейная организация рассматривается здесь статично, в отрыве от реального процесса ее исторической эволюции. Совершенно очевидно, что большая семья, сохраняющаяся как пережиточное явление современной японской действительности и интенсивно распадающаяся под все усиливающимся влиянием капиталистической экономики, не может рассматриваться как эталон традиционной семейной организации. С другой стороны, как отмечает сам автор, институт мукоёси распространен в первую очередь не среди крестьянского населения, а в семьях, из поколения в поколение передающих комплекс специальных знаний и традиционных навыков — ремесленников, актеров и т. д. Неудивительно, что именно в этих случаях стремление к продолжению семейной профессиональной традиции заставляет главу семьи брать мукоёси даже в том случае, если в семье есть сын, не проявивший, однако, способностей или желания наследовать семейную профессию (стр. 36). Исследование Бэфу Харуми, по-видимому, не может поколебать представления о додзоку как о типичной патронимической организации на позднем этапе ее истории.

Проблемы изменений, претерпеваемых семейной организацией в настоящее время, рассматриваются также в статьях Кояма Такаси «Изменяющаяся структура семьи в Японии» (стр. 47—54) и Мацумото Скотта «О праве старшего сына на наследование в послевоенной Японии».

Несколько особняком среди статей этого раздела сборника стоит интересное исследование Р. Смита «Устойчивость японской терминологии родства (исторические свидетельства)» (стр. 25—33). Как указывает автор, несмотря на сравнительно хорошую изученность японской системы родства, исследователи обращали совершенно недостаточное внимание на вопрос об ее исторической эволюции. В данной работе сделана попытка дать характеристику японской системе родства, нашедшей отражение в письменных памятниках ряда последовательных исторических эпох. Автор оговаривает, что он не рассматривает такие древнейшие письменные памятники Японии, как «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.), а обращается лишь к тем более поздним источникам, в которых номенклатура родства дошла до нас в систематизированном виде. Таковы в первую очередь средневековые кодексы, имеющие отношение к проблемам родства, древние японские словари, а также исследования средневековых ученых, специально посвященные проблемам терминологии родства. В статье дается достаточно подробная характеристика основных источников такого рода, наиболее ранний из которых датируется 718 г., а наиболее поздний представляет собой Гражданский Кодекс, принятый в 1947 г. Для сравнения приводятся также полевые материалы, собранные автором в 1960 г. Сравнивая систему родства по данным источников 936 г. 1725 г. и 1960 г., автор приходит к следующим выводам. Во-первых, на протяжении почти тысячи лет японская система была почти полностью аналогична системе родства типа «янки»; во-вторых, несмотря на то существенное влияние, которое оказала на Японию китайская культура, японская система родства сохранила свои, отличные от китайской, черты, даже несмотря на то, что местные термины родства записывались китайскими иероглифами. Последнее положение автор иллюстрирует, в частности, на таком примере. В японской системе родства как старшая, так и младшая сестра отца или матери обозначается

одним и тем же термином «оба». И хотя на письме старшая тетка обозначается иными иероглифами, чем младшая, эти иероглифы имеют в данном случае одинаковое японское чтение. Взаимоотношение между китайской и японской системами родства представляет большой интерес, и исследования в этой области должны быть продолжены.

Общая проблематика третьего раздела сборника («Сельская организация»), казалось бы, должна непосредственно смыкаться со статьями, о которых говорилось выше. К сожалению, в действительности, это не вполне так: раздел посвящен в основном характеристике японской сельской общины, «бураку», ее соотношению с другими формами корпоративных объединений, а также анализу изменений, происходящих внутри бураку в наши дни. Однако в целом проблемы сельской общины рассматриваются здесь в отрыве от анализа семейной и патронимической организации, что, на наш взгляд, снижает ценность исследования.

Э. Норбек («Ассоциации, основанные на общности интересов в сельской Японии», стр. 73—85) возражает Дж. Смуту, полагавшему, что уже в XVII—XIX вв. наблюдается упадок корпоративных форм организации в японской деревне. По мнению автора, основанные на кооперативных началах объединения сельских жителей не исчезли, но приняли иные формы. Детальному рассмотрению этих форм и посвящена статья, основой для которой послужили главным образом собственные полевые материалы автора. Общую характеристику бураку дает Фукудакэ Тадаси («Сельская община бураку в Японии и ее демократизация», стр. 86—90). Э. Джонсон и Исино Ивао пишут о трансформации отношений внутри сельской общинной организации под влиянием проникновения капиталистической экономики.

Четвертый раздел «Культура и личность» (стр. 115—183) посвящен проблемам национальной психологии, и, будучи самым обширным, он является и самым слабым в сборнике. Не говоря уже о случаях, когда сомнительна пригодность примененной автором методики, слишком узки для обобщающих суждений категории обследованных лиц: персонал и клиентура клиники в исследовании Кодилла («Модели эмоций в современной Японии»), нервнобольные пациенты у Дои Такэо («Чувство амаэ»). Статья Эзры Фогель, посвященная переживаниям в связи со вступительными экзаменами, отражает обычное в буржуазном обществе неравноправие в доступе к образованию; легко понять, что в связанных с этим переживаниях роль национальной специфики не столь уж существенна. То же относится и к анализу причин правонарушений и самоубийств среди молодежи (статья Де-Вос).

В целом, оставаясь в значительной степени механическим, непропорциональным и случайным соединением весьма разнородных и неравноценных статей, сборник «Японская культура» представляет собой, тем не менее, интересную и ценную публикацию, дающую представление о наиболее распространенных направлениях исследований и об их последних достижениях в современной японской этнографической науке.

С. Арутюнов, М. Крюков

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру. Отв. ред. А. В. Ефимов и И. А. Золотаревская. М., 1963, 327 стр., илл.

Та истина, что во всемирно-историческом процессе участвуют все народы земли, что каждый из них внес свою лепту в то целое, которое принято называть культурой человечества, теперь уже известна всем. Но в чем заключаются культурные достижения многих народов, которых колонизаторы, обогащавшиеся их трудом, прозвали «нецивилизованными», как повлияли эти достижения на мировую культуру в целом, — эти конкретные вопросы разработаны наукой далеко не достаточно. Сборником статей, повествующих о вкладе коренного населения Америки в мировую культуру, советские американисты участвуют в конкретной разработке этих важных проблем. Сама тематика сборника способствует преодолению традиций европоцентризма, которые еще живы даже в американской историографии. Целым рядом буржуазных ученых развитие американских стран представляется лишь как продолжение истории Европы, как результат деятельности английских, испанских, португальских и других европейских переселенцев в Америку. Коренное население Америки рисуется при этом, в лучшем случае, как объект исторического развития. В рецензируемом же сборнике исконные народы Америки признаются творцами культуры — не только своей, но и мировой. Книга ставит чрезвычайно интересные и важные, в особенности для нынешнего периода, вопросы о взаимодействии культур, о культурных связях народов, стоящих на разных ступенях общественного развития.